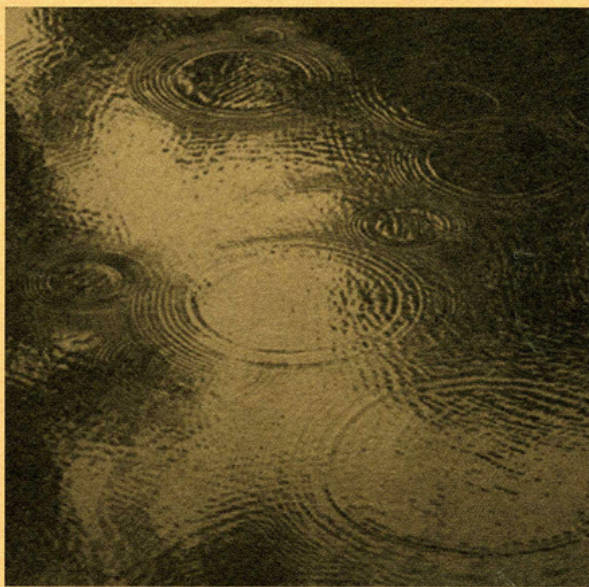


НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

# КРУГИ ПО ВОДЕ



**R**  
GALLERY

# **Наталья Евгеньевна Горбаневская**

## **Круги по воде. Январь 2006 – август 2008**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3083685](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083685)*

*Круги по воде. Январь 2006 – август 2008: Новое издательство; М.:  
2010*

*ISBN 978-5-98379-142-8*

### **Аннотация**

Наталья Горбаневская – поэт, переводчик, правозащитник, участник демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. Автор более десяти книг стихотворений, включая «Набор» (1996), «Не спи на закате» (1996), «Кто о чем поет» (1998), «Последние стихи того века» (2001), «Русско-русский разговор» (2003) и др. В книге «Круги по воде» собраны стихи второй половины 2000-х годов.

# Содержание

«Губы льются и поются...»	4
«Кочерыжка водокачки...»	6
«Кто видел англичан...»	7
Свобода воли	8
1.	8
2.	10
3.	12
«Глубокоуважаемый...»	13
«Выхожу с Восточного вокзала...»	15
«Что это...»	16
«Ни хвостиков, ни черточек, ни точек...»	17
«Неистовствуй и истину гласи...»	19
«Господи, услыши мя...»	20
«Распаянный бульвар...»	21
«Кто там стучится в висок, но снаружи...»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Наталья Горбаневская

## Круги по воде. Январь 2006 – август 2008

### «Губы льются и поются...»

Губы льются и поются,  
обе гулом отобьются  
от обрушившихся стен,  
обе – бэби в колыбели  
гонобобелью без цели,  
без эстрад и прочих сцен,

обе – ягода-малина,  
от изломанного тына  
отдаваясь ЭХОМ ЭХ,  
обе – клюква, обе – кряква,  
обе – пенная Арагва,  
раздувающийся мех

целокупного органа,  
хроматическая гамма  
от ларька недалеко,  
не модель и не программа,

но штандарт и орифламма...

Значит, дышится легко

этим грязным мыльным губкам,

этим гулким медным трубкам,

сочлененным между до —

до концерта-представленья

и до светопреставленья,

до-ре-ми и ми-ре-до.

# «Кочерыжка водокачки...»

Кочерыжка водокачки,  
точно витязь у распутья,  
а за пазухой в заначке  
пирожок и в нем капуста,

чтобы съесть на поле битвы,  
чтобы схавать умиленно  
без воды и без поллитры  
овощное теста лоно,

чтобы лук не перепрягся,  
чтоб копьё не затупилось,  
чтоб ворона, точно клякса,  
с водокачки не спустилась

доклевать сухие крошки,  
выклевать пустые очи  
и на все на три дорожки  
каркать, каркать что есть мочи.

# «Кто видел англичан...»

Кто видел англичан,  
ушедших по-английски?  
Кто знал и различал  
закуски и загрызки?

Кто на своем веку  
во сне не змружил века?  
Кому на всем скаку  
бил колокол-калека?

Кому, о ком, о чем  
застольный и застойный,  
в толпе к плечу плечом  
молчит мой город стольный?

# Свобода воли

## Почти поэма

### 1.

Этот год начинался хорейми,  
хоровым музицированьем,  
это пчелы роились и реяли  
не ко времени и не по времени  
года.

Это снова менялась погода,  
падал снег и истаивал, нем,  
эта холода-голода нота,  
эта белая глухонемо́та  
в Лютеции.

Как до блюда додатые специи,  
дадаисты сбивались кружком,  
потрясая жирком и брюшком,  
и гласили друг другу концепции  
о сакральном и о мирском

на своем языке, разумеется,



если он у них вправду имеется.  
Год едва отошел от начала  
и едва устремился вперед,  
но уже поглядеть на мочало  
на колу собирался народ,  
и прещедрая власть назначала  
кому кнут, кому пряника в рот,

медового пряничка, мятного,  
а кому и кнута непечатного.

## 2.

«Этот год» – это время. А место?  
А место, увы, неуместно,  
я качаюсь на проволоке меж,  
и растет из словесного теста,  
где словам (а не мыслям) не тесно,  
тот истаявший снежный рубеж,  
что и служит мне проволокой шаткой,  
смотровую площадкой.

Погляди в смотровое окно,  
за стеклом и свежо, и мокро,  
и само оно наклонено  
к горизонту, и к синему бору,  
и к лошадке размером в перо,  
торопящей телегу-шкатулку  
и, теряя колесную втулку,  
не охочей до разговору  
ни о чем.

Этот год был ни шаткий, ни валкий,  
не стучал по засову ключом,  
но ятвяги, жемайты, сувалки  
не томились, как мы, в раздевалке,  
не сходились послушать оркестр,  
их речей отголоски ни жарких,  
ни прохладных, как наши, окрест

не ложились – речей их, ни жалких,  
ни величественных,

– на пустые леса и поляны.  
Этим роком, на них излиянным,  
сам себя ударяешь под дых,  
сам себе уготовуешь рок  
на качелях Запад-Восток,  
где повисли два красных флажка,  
сербомолот и свастика,  
и нещадная рока рука  
не сжимает ластика,  
того ластика, что на простор  
храбро вышел и лишнее стёр.

Были б раньше не шатки, а валки,  
то и прусы, ятвяги, сувалки  
могли бы стоять в раздевалке  
вместе с нами за шубами, пальтами  
и на вешалку сданными кольтами,  
получать от налогов повестки  
и на Русь посылать эсэмэски.

### 3.

В свете сумерек, в утреннем блеске  
над пожарищем века вишу,  
косоглазо зыряя наружу,  
что ни сделаю, что ни решу  
— всё садится в глубокую лужу,  
но и мятным головокруженьем  
я зато себя не оглушу.  
Не рифмуйте бессмертную душу  
с этим новым, медовым глушеньем,  
этим пряником в виде кнута  
(и наоборот).

# «Глубо́коуважаемый...»

Глубо́коуважаемый  
вагоноуважа...  
катаючись трамваями,  
не сесть бы на ежа,

не скушать бы ужа,  
с угрём нечаяно спутав,  
пока углём беспутным  
не греется душа,

пока она трамваями,  
одевшись плотью, ездит,  
пока в бесснежном мареве  
глядит себя без лести

и, да, без снисхожденья,  
претензий и обид  
себя она глядит,  
и этот скорбный вид  
в парах самосожженья

заслуживает нашего  
молчания, да-да,  
и ты ее не спрашивай:

зачем? почём? куда?

# «Выхожу с Восточного вокзала...»

Выхожу с Восточного вокзала  
и с восточным распротясь морозом.

Заумь – безумь, я уже сказала,  
но она же, если хочет, розумь,

но она же мотыльком по розам,  
утюжком по грёзам поизмятым,  
вопреки угару и угрозам,  
вопреки таблеткам сердцемятным,

вопреки самой себе... О заумь,  
о Котаумь с зелеными глазаумь,  
так дерзайся, только не слезайся  
с поезда, где едешь в виде зайца.

## «Что это...»

Что это  
зашептало  
на ветке через окно,  
не посмело, не щебетало,  
тем более не свистало,  
что это – или кто?

Это весна, равноденствие,  
это зима, зиме, зимы кончается срок,  
и она выходит на волю, на дальний,  
самый дальний восток,  
и чем дальнѐй, тем печальней.  
А весна сбивается с ног,

смывает остатки сугробов,  
вымывает останки гробов,  
ибо час Воскресения пробил  
в выходные отверстия белых лбов,

ибо Бог – это вправду любовь,  
но себя ко всему приготовь.



## «Ни хвостиков, ни черточек, ни точек...»

Ни хвостиков, ни черточек, ни точек,  
емеля нам выравнивает почерк,  
и спросишь: «Как жена?» – а выйдет «зона»,  
и держишь сам себя за фармазона,  
который был исходно франкмасоном,  
умом не сонным, духом не бессонным,  
душой не чутким и несклонным к шуткам,  
давно отправленным ко всем анчуткам.

Поставь на переписку знак товарный,  
и верный росс пойдет, как лях коварный,  
извертываться, врать и лицемерить  
и самому себе уже не верить,  
не доверять рефлексам и привычкам,  
ключам в кармане, спичкам и отмычкам,  
влюбленностям заречным и заморским  
и давним радостям консерваторским.

Поставя копирайт на переписку,  
ты сам себя переберешь по списку,  
по перечню, где уши-руки-ноги  
гуляют парами, за ними по дороге  
– как зэк со шконкой – печенка с селезенкой,

и все одето кожицею тонкой,  
которой так недолго надорваться  
и обнажить... – и обнажиться, братцы!

У переписки, пересвиста птичья,  
ни замысла (а значит, и величья),  
ни умысла (на подрыв и свержение),  
ни помысла (как выйти из окруженья),  
ни мысли, хоть бы вялой и небойкой,  
и только рифмы ходят парой или тройкой.

# «Неистовствуй и истину гласи...»

Неистовствуй и истину гласи  
так истово, как некогда, как встарь,  
и помни, что веселие Руси —  
ложить людей как жертву на алтарь.

# «Господи, услыши мя...»

Господи, услыши мя,  
я тебе не лишняя.  
– Слышу, доню.  
Не прошу переменить  
эту дёрганую нить,  
мою долю.

Что захочешь – Сам подашь,  
как подал мне карандаш  
и тетрадку.  
Господи, услыши мя,  
чтоб не вышло из меня  
беспорядку.

# «Распаянный бульвар...»

Распаянный бульвар  
лудильщик не поправит,  
сухое солнце плавит  
бессильный Вавилон.  
Жую, как в детстве, вар,  
пока в зубах настрянет,  
пока в ушах стреляет  
неслышный перезвон.

Забравшись на Парнас,  
как нимфа, загораю,  
загубленному раю  
вчерашняя сестра.  
«Помилуй бедных нас»  
шепчу – и оступаюсь,  
и тут же просыпаюсь  
(такой вот сон с утра).<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Примечание для непарижан (а парижане легко догадаются): действие сна происходит где-то близ перекрестка бульваров Распай и Монпарнас.

## **«Кто там стучится в висок, но снаружи...»**

Кто там стучится в висок, но снаружи,  
рушится мой герметический череп,  
через растрещины глубже и глуше  
грузный паром ударяется в берег  
и удаляется снова и снова,  
сном или явью, явью ли, снами,  
с нами отходит от берега родного  
прямо на дно, под зеленое знамя.

Знаешь ли, знаем ли, знаю ли, кто там  
кодом выстукивал в кости височной  
точный маршрут к недоступным высотам,  
сотовым медом текущим, к заочной  
ставке и с летом, и с веком, и к рекам  
млеком бегущим, и травам подводным,  
смертным грехам и прощенным огрехам,  
к точке, где станешь навеки свободным.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.